

К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ КОНЦЕПЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. Статья посвящена анализу дискуссионных вопросов разработки синтезированной конституционно-правовой концепции взаимодействия государства и личности. Отмечается, что обозначенная задача может быть достигнута с использованием различных научных областей и допускает применение методологии полидисциплинарного знания. Проанализировано изменение отражения проблемы взаимодействия государства и человека в предмете отечественного государственного права. Сделан вывод о том, что подобно тому, как не статичен и не может быть очерчен раз и навсегда предмет конституционного права, так и в формирующейся конституционно-правовой концепции взаимоотношений государства и личности могут быть выделены статическая и динамическая составляющие. К первой, статической, могут быть отнесены неизменные участники взаимодействия — государство и человек (личность). Вторая же, динамическая, касается принципов, методов и форм как прямого, так и обратного взаимодействия этих субъектов. Ключевым элементом является понимание типологии и характера взаимоотношений государства и индивида. Обозначены стадии процесса формирования современной российской конституционно-правовой концепции взаимоотношений личности и государства: формирование и модернизации. Стадия формирования названной концепции вполне соответствует переходному (межсистемному) состоянию российского государства и конституционного права, в связи с чем она может быть охарактеризована как межтиповая. В статье затрагиваются проблемы сочетания идеи «сервисного государства» и «сильного государства», а также соотношения системоцентризма, персоноцентризма и солидаризма в российской Конституции. Рассмотрены цели, конституционные принципы, формы взаимодействия государства и индивида. Высказано предложение включить в качестве самостоятельного элемента концепции конституционно-правомерное поведение взаимодействующих субъектов. Предложены критерии такого поведения и сделаны выводы о его значимости и ценности в контексте взаимодействия государства и человека.

Ключевые слова: взаимодействие государства и личности, предмет конституционного права, типология государства, конституционно-правовая концепция, сервисное государство, сильное государство, системоцентризм, персоноцентризм, солидаризм, конституционно-правомерное поведение.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.144.11.069-082

Годы, прошедшие с принятия всенародным голосованием Конституции Российской Федерации, в истории нашего государства и общества образуют относительно небольшой период. Однако, будучи сопоставим с целым демогра-

фическим поколением, он не так уж и мал. Практически все эти годы в научных дискуссиях и политических дебатах звучат мнения о необходимости изменения действующего Основного закона или принятии новой Конституции.

© Титова Е.В., 2018

* Титова Елена Викторовна, заведующий кафедрой теории государства и права, конституционного и административного права Южно-Уральского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент
titova_elena@bk.ru
454080, Россия, г. Челябинск, ул. Коммуны, д. 149, кв. 205

Действительно, многие конституционно закрепленные политико-правовые конструкции нуждаются в совершенствовании. Однако в целом российская Конституция 1993 г. открыла новые возможности совершенствования государственного управления социальными процессами, формирования гражданского общества и развития личности гражданина. Бесспорным шагом вперед является то, что в Основном законе страны в качестве базового был закреплен принцип признания человека, его прав и свобод высшей ценностью, и одной из главных заслуг Конституции России является тот положительный эффект, который она оказала на массовое сознание россиян. Но это только начало пути. Следующая значимая задача конституционного регулирования жизнедеятельности российского государства и общества заключается не столько в совершенствовании юридического содержания конституционных норм, сколько в их реализации в практике взаимоотношений между государством и его органами, с одной стороны, и гражданами, гражданским обществом — с другой.

Взаимоотношения власти и личности, государства и человека — очень важная проблема, решение которой имеет не только теоретическое, но и практическое значение для любого государства. «Взаимодействие» — не только сложное слово, но и общенаучная категория, в различных отраслях знаний понимаемая по-разному. Тем не менее его смысловое значение во всех случаях предполагает общность, обоюдность, обусловленность и связанность одного с другим, воздействие друг на друга, результатом чего выступает изменение состояния и движение. Что касается социальной и государственно-правовой сферы, то здесь взаимодействие выступает в качестве основания для изучения всех процессов и явлений, поскольку присутствует на всех уровнях жизнедеятельности человека, общества и государства.

Взаимодействие указанных субъектов конституционных отношений между собой предполагает совершение определенных правовых действий по отношению друг к другу, причем если взаимные действия осуществляются длительное время, то данные отношения стабилизируются и организуются, образуя вместо кратковременных и стихийных действий постое-

янную конституционно-правовую деятельность, осуществляемую в различных формах. Необходимо отметить, что вариативность правового поведения как властвующих, так и подвластных при осуществлении взаимодействия предполагает одновременное наличие как автономии, так и некоторой степени зависимости. Связующим звеном между взаимодействующими выступает согласование не только собственных интересов, но и интересов других субъектов и потребности окружающего мира. Общественная необходимость такого согласования с целью упорядочения взаимозависимой и совместной деятельности государства и личности несомненна, поскольку оба эти субъекта занимают центральное положение в проблеме конституционных прав, свобод и обязанностей¹.

Будучи вовлеченной в различные междисциплинарные научные дискуссии, проблематика взаимоотношений власти, личности, общества имеет и исключительно правовой, в первую очередь конституционно-правовой, срез. Именно конституционное право, традиционно сочетающее в себе правовое и политическое начало, и более того — обладающее возможностями для установления баланса между правом и политикой, должно сформировать синтезированную концепцию взаимодействия личности и государства. Потенциал конституционного права в определении вектора такого взаимодействия высок, поскольку властеотношения традиционно входят в предмет конституционного права. Ключевым элементом этой концепции, безусловно, становится понимание сущности государства, его предназначения и роли, позволяющие выявить тип взаимоотношения государства и индивида.

Отражение взаимодействия государства и человека в предмете отечественного государственного права, претерпевая эволюционные изменения, касалось в основном вопросов осуществления властвования. Дореволюционные ученые, например, относили право участия во властвовании и обязанность повиновения к содержанию юридического отношения, характеризующего государство (Н. М. Коркунов²). В советском государствоведении при определении предмета отрасли права человек, как правило, не присутствовал или был представлен опосредованно. Понимание предмета конституцион-

¹ Златопольский Д. Л. Государство и личность: основы взаимоотношений // Вестник Московского университета. Серия : Право. 1993. Вып. 1. С. 3—12.

² Коркунов Н. М. Русское государственное право. СПб., 1909. Т. 1. С. 48.

ного регулирования носило более узкий характер и ограничивалось определенной областью общественных отношений. Так, Р. Г. Нурмагамбетов замечает, что в теоретических работах советского периода под предметом конституционного регулирования понималась та или иная сфера общественных отношений, специфичная для конституционного права и регулируемая его нормами. В частности, одни авторы вкладывали в понимание предмета конституционного регулирования властеотношения, другие — отношения, связанные с основами устройства государства, третьи — отношения, определяющие основные черты социально-экономической системы и политической организации общества и выражающие суверенитет народа³.

Так, в трудах ученых указывалось на наличие принципов взаимоотношений между общественными и государственными учреждениями (А. Я. Вышинский), отношений органов государственной власти с гражданами в связи с реализацией последними своих прав и обязанностей и их участием в государственной деятельности (С. А. Голунский, М. С. Строгович, С. М. Равин); форм участия масс в управлении государством (М. А. Аржанов), контроля ими деятельности представительных и иных государственных органов, а также непосредственного участия трудящихся в государственном управлении через разнообразные массовые организации, путем референдума и т.д. (В. Ф. Коток). Предметом исследования являлись также нормы, определяющие принципы взаимоотношений общественных организаций и союзов трудящихся с органами государственной власти, и принципы осуществления функций государственной власти (А. И. Лепешкин).

Постсоветский период исследований предмета конституционного права характеризуется включением в него основ взаимоотношений человека с государством (Е. И. Козлова), от-

ношений между человеком, обществом и государством (В. А. Рыжов), взаимоотношений между государством и личностью (В. Г. Стрекозов), а также различных правовых модификаций таких взаимоотношений. Например, получили развитие концепции гражданской свободы, или признания свободы человека и институтов гражданского общества (А. Е. Козлов), установления и регулирования конституционно-правового статуса гражданина в России, человека и гражданина, содержания процесса реализации политических прав и свобод граждан (Е. И. Колюшин, Ю. А. Дмитриев, И. В. Мухачев и др.). В частности, М. В. Баглай при определении понятия конституции говорит, что конституция устанавливает основы отношений государства с человеком и обществом⁴. Л. Д. Воеводин, исследуя основы правового статуса личности, также указывает на то, что он складывается в плоскости отношений «общество — государство — личность»⁵. А. А. Безуглов и С. А. Солдатов, определяя предмет конституционного права, отмечают, что нормы этой отрасли регулируют общественные отношения, возникающие, во-первых, по поводу установления правового статуса таких субъектов, как личность, гражданское общество (и его структурные элементы) и государство (и его органы), а во-вторых, в связи с взаимодействием этих субъектов в самых различных сочетаниях при выполнении ими своих функций⁶. О взаимоотношениях «государство — человек — общество» рассуждает и Н. А. Богданова. По ее мнению, в этих связях человек, его права и свободы есть исходный и важнейший ориентир, а общество — основное опосредующее звено между человеком и государством⁷.

О. Е. Кутафин полагал, что первую важнейшую составную часть предмета конституционного права составляет группа общественных отношений, лежащих в основе и складываю-

³ Нурмагамбетов Р. Г. О необходимости переосмысления теоретических основ предмета конституционного регулирования в Российской Федерации как основы развития конституционного права и политики // Конституционное право и политика : сб. материалов междунар. науч. конференции 28—30 марта 2012 г. М., 2012. С. 73.

⁴ Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации : учебник для вузов. 3-е изд., изм. и доп. М. : Норма, 2003. С. 65.

⁵ Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России : учеб. пособие. М. : Издательство МГУ; Инфра-М — Норма, 1997. С. 34—35.

⁶ Безуглов А. А., Солдатов С. А. Конституционное право России : учебник для юридических вузов (полный курс) : в 3 т. М., 2001. Т. 1. С. 11.

⁷ Богданова Н. А. К новой концепции преподавания конституционного права // Государство и право. 1994. № 7. С. 12—14.

щихся в сфере государственной организации общества. Другую группу образуют отношения, которые могут складываться в любой из сфер жизни общества и государства, являющиеся для нее базисными и предопределяющие содержание всех иных отношений в указанной сфере. В их структуре, в свою очередь, могут быть выделены группы отношений, являющихся обязательным атрибутом предмета конституционного права, в частности определяющие основы правового статуса человека и гражданина, а также те отношения, которые становятся его элементом лишь в силу заинтересованности в этом государства, устанавливающего в этом случае их регламентацию с помощью конституции и иных нормативных правовых актов, имеющих учредительный характер. В качестве «обязательной» составляющей предмета конституционного права ученый рассматривал, в частности, отношения, определяющие основы конституционного строя (выражающие качественную характеристику устройства государства и определяющие основы функционирования политической и экономической систем общества), а также отношения, возникающие в связи с установлением основ правового статуса человека и гражданина, характеризующие его положение в государстве и обществе и определяющие права, свободы и базисные обязанности индивида. К группе неизменно являющихся предметом конституционного права относятся также отношения, определяющие основные принципы организации и деятельности всех ветвей государственной власти и органов местного самоуправления. Используя данный подход, О. Е. Кутафин пришел к важному выводу о том, что предмет конституционного права не статичен и не может быть очерчен раз и навсегда. Он определяется содержанием фундаментальных законов государства на соответствующем этапе его исторического развития, признанием им степени важности этих отношений в качестве основополагающих. Поэтому многолетняя дискуссия, направленная на

установление исчерпывающего круга отношений, составляющих предмет конституционного права, по существу, лишена оснований⁸.

Таким образом, являясь базисным законом государства, Конституция Российской Федерации определяет основные структурные и функциональные параметры политической и экономической систем, развития и культуры общества, взаимодействия его фундаментальных институтов⁹. Однако такое конституционное регулирование не является установленным раз и навсегда. Это отмечает и С. А. Авакьян, который в качестве одной из тенденций развития конституционно-правового регулирования общественных отношений рассматривает существенное расширение его предмета. По мнению уважаемого профессора, оно обусловлено необходимостью использования новых форм конституционно-политической деятельности наряду с уже существующими, созданием «конституционно-правового фундамента» правового регулирования тех или иных общественных отношений¹⁰. Высказанные научные позиции уважаемых ученых относительно предмета конституционно-правового регулирования в полной мере могут быть распространены и на концепцию взаимодействия государства, общества и личности. В связи с этим полагаем, что в формирующейся конституционно-правовой концепции взаимоотношений государства, общества и личности могут быть выделены как минимум две составляющие — статическая и динамическая. К первой, статической, могут быть отнесены неизменные участники взаимодействия — государство и человек (личность). Вторая же, динамическая, касается принципов, методов и форм как прямого, так и обратного взаимодействия этих субъектов. По нашему мнению, именно динамическая составляющая выводит в правовую плоскость в качестве формы рассматриваемого взаимодействия гражданское общество и коллектив¹¹.

Как уже было отмечено выше, конституционно-правовая концепция взаимоотношений

⁸ Кутафин О. Е. Избранные труды : монография : в 7 т. М. : Проспект, 2015. Т. 1 : Предмет конституционного права. С. 21—22.

⁹ Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2005. С. 108.

¹⁰ Авакьян С. А. Тенденции развития конституционно-правового регулирования общественных отношений в современной России // Конституция Российской Федерации: политико-экономические приоритеты : материалы Всерос. науч.-практ. конференции (Омск, 16 ноября 2009 г.). Омск, 2010. С. 12—24.

¹¹ О взаимосвязях личности, коллектива, государства и общества подробнее см.: Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. Теория современной конституции. М., 2005. 320 с.

государства и человека должна иметь синтезированный характер, что может быть достигнуто с использованием различных научных областей и допускает применение методологии полидисциплинарного знания¹².

Формирование обозначенной концепции взаимодействия, взаимоотношений и взаимного влияния (а мы предлагаем исходить из того, что смысловой оттенок этих слов не является полностью тождественным) государства и человека предполагает наличие нескольких составляющих, которые будут рассмотрены далее.

Типология и характер взаимоотношений государства и индивида. В зависимости от факторов, степени включенности и сопричастности человека к осуществлению власти, соотношения свободы и принуждения в литературе политологической и социологической направленности предлагается выделять: патерналистский или этатистский, индивидуалистский или либеральный, партиципаторный векторы взаимных отношений государства и человека, а также коммунитаризм¹³.

Патерналистско-этатистский тип взаимоотношений исходит из отождествления человека, общества и государства, при этом человек предстает преимущественно в виде «винтика» сложного государственного механизма. Статус гражданина, его права и свободы устанавливаются государством и рассматриваются как вторичные по отношению к государственным интересам. Безусловное подчинение государству или его ниспровержение (но ни в коем случае не диалог с ним) — это основной принцип этатизма как типа взаимодействия государства и человека. Государство в данном типе взаимоотношений ориентировано на принятие решений единолично или коллегиально, пренебрегая правовыми предписаниями, не расшифровывая принятые решения или делая это исключительно формально, а главное — без учета мнения человека¹⁴.

Индивидуалистско-либеральный тип взаимодействия государства с человеком является

традиционным для Западной Европы, США и ряда других стран. В основе данного типа лежат социально-философские и политико-социологические концепции и взгляды на государство как на субъект утверждения нравственности (Платон, Аристотель, Гегель), достижения общей безопасности (Гоббс), охраны права частной собственности (Локк), достижения общественного блага (Гроций), утверждения общей свободы (Руссо, Лассаль). Для индивидуалистско-либерального типа взаимоотношений человека с государством характерна минимизация государственных функций и приоритет интересов личности перед интересами государственных; признание в качестве конечного источника всякой государственной власти свободного человека и гражданина; ограничительная функция гражданского общества и ограничение государством направления распространения гражданской воли.

Основополагающими для партиципаторного типа взаимоотношений человека с государством выступают теории государства всеобщего благоденствия, плюралистической демократии, правового государства, социального государства. Именно в рамках этих теорий нашла свое развитие идея о главной функции государства как созидателя в рамках закона разнообразных социальных благ для всех членов общества с учетом возможностей каждого (Ростоу, Хекшнер, Бернс). Данный тип взаимоотношений предполагает: признание дуализма взаимоотношений государства и гражданского общества в их неразрывности и противоречивости; инструментальную роль государства в создании и обеспечении благоприятных условий для свободного существования и развития гражданина; соблюдение принципов солидарности, толерантности и субсидиарности, возлагающих на государство обязанность заботиться о благе всех граждан без исключения.

Заслуживает внимания еще один тип рассматриваемых взаимоотношений, пользующийся определенным признанием на Западе.

¹² О необходимости комплексного подхода к исследованию проблем взаимоотношений государственной власти и личности, возможности применения не только юридических, но и иных методов — например, социологических — в науке конституционного (государственного) права писал в 60-х годах XX века И. Е. Фарбер. Подробнее см.: *Фарбер И. Е.* Свобода и права человека в Советском государстве. Саратов, 1974. С. 17.

¹³ *Рябев В. В.* К вопросу о взаимодействии государства и гражданского общества в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. № 2. Т. 8.

¹⁴ *Лубский А. В.* Государственность как матрица российской цивилизации // Гуманитарный ежегодник. 2005. № 4. С. 90.

Его основные положения составляют философско-политические концепции коммунитаризма (А. Макинтайр, М. Уолцер, М. Сандел, Ч. Тейлор и др.), где, помимо прочего, сделан акцент на исследование манипулятивных отношений в обществе, использующем демократические институты. В целом же коммунитаризм базируется на идеях развития индивидуальности, толерантности, плюрализма и противопоставляется с одной стороны либерализму, а с другой — коллективизму¹⁵.

Процесс формирования современной российской конституционно-правовой концепции взаимоотношений личности и государства находится одновременно в двух стадиях — в стадии формирования и модернизации. Стадия формирования названной концепции вполне соответствует переходному (межсистемному) состоянию российского государства и права, в связи с чем она может быть охарактеризована как *межтипная*. Модернизация (как идея, как практика правоприменения и как политика) представляет собой способ развития и приспособления к новым реальностям правовой системы всех юридических понятий, правовых институтов, видов государственной деятельности, публичной власти, законодательства и законотворчества, при котором из практики властеотношений и законодательства всех уровней исключаются устаревшие формы и методы управленческой деятельности, а также очевидно ненужные и тормозящие позитивное развитие институты. Конечными целями модернизации должно являться установление и развитие правовых институтов как гарантий реализации Конституции Российской Федерации¹⁶.

Для современной российской концепции взаимоотношений государства и личности характерна еще одна особенность — попытка сочетать идеи «сервисного государства» и «сильного государства». Теория «сервисного» государства, по которой оно является корпора-

цией по оказанию публичных услуг, представляет собой пример имплементации зарубежных, преимущественно западноевропейских и американских, институтов властно-правового взаимодействия человека, общества и государства. В основе сервисного государства лежит как эффективное предоставление населению публичных услуг, так и возможность делегирования функций по их оказанию «частному сектору». Следует отметить, что идея сервисного государства и государственных услуг не так уж нова и разрабатывалась юридической наукой в конце XIX — начале XX в. (Еллинек, Лонинг, Майер), в том числе в дореволюционном российском государствоведении. Несмотря на расхождения в оценке конкретного перечня субъективных публичных прав, ученые тем не менее единогласно относили к ним права на государственные услуги¹⁷. А. А. Рождественский, помимо прав на услуги государства, причислял к субъективным публичным правам политические права, или права участия населения в государственном властвовании¹⁸. Даже в первые советские годы не отрицались субъективные публичные права граждан по отношению к государству. Так, признавалось право гражданина «требовать совершения государством чего-либо или свободно делать что-либо на основании юридической сделки или принудительной нормы права, изданной для защиты его индивидуальных интересов и на которую он может ссылаться в споре с администрацией»¹⁹.

Рассуждая о конституционном режиме публичных услуг, В. И. Крусс отмечает, что они являются альтернативой традиционному для отечественной теории государства и права пониманию государственного воздействия на общественные отношения, понятию «функции». Новацией конституционно-правового регулирования, пишет уважаемый ученый, является разработка и внедрение профессио-

¹⁵ Сморгунев Л. В. Сравнительная политология : учебник для вузов. СПб. : Питер, 2012. С. 22—26.

¹⁶ Стариков Ю. Н. Реализация конституционных гарантий и модернизация административно-правового регулирования // Административное право и процесс. 2013. № 6. С. 5.

¹⁷ Талапина Э. В. Право на информацию в свете теории субъективного публичного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 6. С. 70—83.

¹⁸ Рождественский А. Теория субъективных публичных прав: критико-систематическое исследование. Часть 1 : Основные вопросы теории субъективных публичных прав. М. : Печатня А. Снегиревой, 1913. С. 233.

¹⁹ Карадже-Искров Н. П. Новейшая эволюция административного права // Сборник трудов Иркутского государственного университета. Факультет права и местного хозяйства. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1927. Т. 13. С. 29—30.

нальных стандартов публично-значимой деятельности²⁰.

Кроме того, сервисный подход к сущности государства предполагает оптимизацию властно-правового взаимодействия основных субъектов государства и человека посредством информационно-коммуникационных технологий в парадигмах «электронного государства» и «информационного общества»²¹. Электронное государство — прежде всего социальное государство, в свою очередь, социальное государство в определенной части является сервисным государством, писала И. Л. Бачило. При этом нужно иметь в виду, что только сервисные задачи и работа в этом направлении не исчерпывают функций государственных и муниципальных органов в области социальной сферы. Это, пожалуй, конечный итог каждой социальной функции — предоставить условия для граждан и организаций реализовать свои социальные и иные права²². Именно с реализацией концепции сервисного государства связан совершенно новый формат взаимодействия общества и государства, ранее маловероятный (если вообще возможный) в силу отсутствия электронных средств получения и обработки информации, например таких, как обращения гражданина в формате отзыва, содержащего оценку деятельности органов государственной власти или местного самоуправления, а также их должностных лиц²³.

Категория «сильное государство» — это довольно неоднозначное и широкое понятие. Сильное государство не является каким-то особым, отдельным видом государства. Это качественное состояние государства, характеризующее его устройство, проявляющееся в его политике по-разному в каждой стране, обществе, в конкретных ситуациях в соответствии с решаемыми обществом задачами, поставленными целями, правами, свободами и законными интересами граждан. Сильное государство — это эффективное, полноценное, авторитетное и уверенное в себе государство, четко выполня-

ющее все свои функции и социальное назначение²⁴. Сильное государство в истинном смысле слова — это демократическое государство, которое знает только одну власть — власть закона, права. Рассматривая концепцию сильного государства, следует обратить внимание и на понятие «эффективное государство». Данная категория, впервые использованная в России в 2000 г., регулярно упоминается в посланиях Президента РФ Федеральному Собранию как аналог сильного государства, способного гарантировать стабильность общественного развития и соблюдения прав личности. Концепция эффективного государства во многом перекликается с его пониманием в западной литературе как государства благоденствия или благосостояния. Однако необходимо отметить, что высказанная Президентом России идея построения сильного государства, основанного на стабильности конституционного строя и высочайшем статусе прав и свобод человека, более широка. В качестве одной из важнейших задач она, наряду с укреплением гражданского иммунитета, предполагает создание обстановки общественного отрицания экстремистских, радикальных идей.

Безусловно, идеи сильного и эффективного государства не должны оставаться декларативными, они нуждаются в последовательной и взвешенной реализации. Этот процесс является чрезвычайно сложным и многофакторным. Неслучайно И. А. Кравец, рассматривая концепции гарантирования конституции, формулирует вопросы: могут ли сосуществовать конституционализм и сильное государство одновременно в одной стране? И если это государство — Россия, то как в рамках действующей Конституции согласовать и обеспечить неэфемерное осуществление принципов российского конституционализма и сильного государства, ответственного за социальную и экономическую политику, способного преодолевать проблемы злоупотребления правами и противодействовать коррупции в публично-правовой сфере²⁵?

²⁰ Крусс В. И. Публичные услуги в контексте российской конституционализации // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 5. С. 63.

²¹ Чеботарева А. А. Электронное государственное управление как новая форма взаимоотношений личности, общества и государства // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 6. С. 19.

²² Бачило И. Л. Государство социальное или сервисное? (Информационно-правовой аспект) // Право. Журнал высшей школы экономики. 2010. № 1. С. 7.

²³ Савоськин А. В. Отзывы о деятельности органов власти: от практики к теории // Lex Russica. 2016. № 12. С. 72.

²⁴ Затонский В. А. Эффективная государственность. М., 2006. С. 97.

²⁵ Кравец И. А. Два гаранта Конституции в российском конституционализме и концепция сильного государства // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 1. С. 5.

Типологизация российской государственности и концепции «сильного» и «сервисного» государства связаны и с другой правовой проблемой теоретического характера. В конституционно-правовой доктрине к числу дискуссионных относится вопрос о соотношении системоцентризма²⁶, персоноцентризма²⁷ и солидаризма в российской Конституции. В основе этой проблемы лежит различное отношение к определению первичности интересов и подходов к разрешению конфликтов, возникающих между личностью и государством.

Как известно, системоцентризм в крайнем его выражении предполагает приоритет интересов целого, т.е. общества или разного уровня коллективов, где человек есть лишь объект воздействия. Персоноцентристская традиция, напротив, исходит из главенства интересов и прав отдельной личности, где человек выступает в качестве высшей ценности. Солидаризм, как и следует из самого понятия, является моделью, призванной объединить лучшие черты двух других типов, что предполагает гармоничное сочетание интересов личности с интересами общества и государства. Так, Б. С. Эбзеев, выступающий сторонником солидаристской теории, пишет о том, что российская Конституция выступает в качестве политико-правовой формы выражения свободы личности в государственно-организованном обществе и в ее основе находятся «три кита» конституционализма: власть, суверенитет и свобода личности, а достижение необходимого баланса между интересами личности, общества и государства — главная цель²⁸.

Можно утверждать, что концепция солидаризма получила реализацию в современной теории конституционного права, где само конституционное право и конституционализм рассматриваются во взаимосвязи с солидарностью. При этом предлагаются подходы, ха-

рактеризующие конституционализм как правовое обоснование социальной солидарности: 1) социальная солидарность и классические принципы конституционализма (концепции правового, демократического, светского государства; современные концепции прав человека и государственного суверенитета, гарантий прав меньшинств, народного представительства и непосредственной демократии, разделения властей, федерализации, секуляризации и клерикализации); 2) социальная солидарность и новые фундаментальные принципы конституционализма (концепции социального государства и солидарного общества, конституционного интернационализма и проблемы обеспечения международной солидарности)²⁹.

Между тем следует заметить, что понятие взаимодействия, основанного на солидарности, является «качественным», не определяя при этом «количественные» доли участия в этом взаимодействии, вклада в него каждого из субъектов. Эта проблема представляется крайне актуальной уже в связи с тем, что рецепция принципа примата прав человека, осуществленная в российском конституционализме, породила своеобразную презумпцию «виновности государства» по отношению к гражданину³⁰, а само государство, пишет Б. С. Эбзеев, стало органом социального призрения, несущим ответственность не только за правопорядок, но и за материальное благополучие своих граждан³¹. Радикальный разрыв с предшествующей советской государственностью, где на первый план выдвигались и закреплялись права людей в единстве с их обязанностями и ответственностью, породил принципиальное недоверие к государству со столь же принципиальным доверием к гражданину и его свободам.

В связи с изложенным предлагаем рассматривать в качестве одной из *целей* осуществления совместных действий основных субъектов

²⁶ Поленина С. В. Стратегический потенциал норм глав 1 и 2 Конституции РФ 1993 года // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 574.

²⁷ Баранов П. П. Позитивистское правопонимание в юридической науке, практике и повседневной жизни современной России // Russian journal of legal studies. 2015. № 4. С. 7—8.

²⁸ Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2013. С. 15—18.

²⁹ Алебастрова И. А. Конституционализм как правовое основание социальной солидарности. М.: Проспект, 2016. С. 67.

³⁰ Куркин Б. А. Идеологема прав человека и ее интерпретация в современной отечественной правовой теории // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2008. № 2. С. 115.

³¹ Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. 2-е изд. М., 2013. С. 360.

конституционно-правовых отношений солидарность взаимного развития человека (личности, гражданина) и государства.

К конституционным принципам взаимоотношений человека и власти, по мнению Г. Н. Комковой, следует отнести: всеобщность и неотчуждаемость основных прав и свобод человека (ст. 17 Конституции); непосредственное действие прав и свобод человека и гражданина (ст. 18); обязанность государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ст. 2); государственные гарантии равенства прав и свобод человека и гражданина (ст. 19); справедливость; единство прав и обязанностей (ст. 6); взаимную ответственность власти и человека³².

Для целей разработки конституционно-правовой концепции взаимодействия государства и человека представляют научный интерес предлагаемые С. А. Васильевым признаки взаимодействия субъектов конституционно-правовых отношений: закрепление на уровне нормативных актов принципиальных положений и более детальное их регулирование на стадии правоприменительной деятельности при помощи распорядительных документов; осуществление действий субъектов, направленных друг на друга, как сущности взаимодействия; взаимодействие предполагает осуществление мероприятий, достижение поставленных целей путем реализации общих или схожих полномочий в той или иной сфере; наличие цели взаимодействия.

К основным формам взаимодействия субъектов конституционно-правовых отношений указанный автор предлагает относить: передачу полномочий одним субъектом другому с одновременным осуществлением надзора за правильным исполнением переданных функций; принятие совместных решений с использованием различных согласительных процедур, включая процедуры одобрения, согласования и пр.; информационный обмен, выражающийся в уведомлении субъектов о юридически значимых действиях, в направлениях запросов для получения необходимой информации, изучения проектов нормативных правовых актов, получения экспертных заключений от правоприменителей касательно проекта нормативного правового акта и т.д.³³

Полагаем, что еще одним важным элементом рассматриваемой конституционно-правовой концепции должно стать конституционно правомерное поведение взаимодействующих субъектов. Под правовым поведением данного вида предлагается понимать сложное, многомерное, целостное социально- и общественно-правовое явление, способ взаимодействия индивидов с государством, осуществляемый в специализированных активных формах (общественное участие, участие в демократических процедурах, гражданское участие), который признается обществом (фактически) и государством (официально, формально) как соответствующий или непротиворечащий конституции и отражающий реальные взаимосвязи и взаимозависимости нормативных, ценностных и морально-духовных установлений Конституции России, процессов конституционного правоприменения и правореализации.

Для признания поведения субъектов взаимодействия конституционно правомерным необходимо, чтобы оно отвечало следующим критериям: 1) конституционность интереса субъекта; 2) конституционность цели; 3) соответствие (непротиворечие) нормам права, если они непосредственно регламентируют поведение в конкретной ситуации; 4) при отсутствии регулирующей нормы — соответствие правовой модели (алгоритму), выраженному в правовых позициях Конституционного Суда РФ; 5) конституционность мотива действий, направленных на достижение конкретного правового результата; 6) конституционность способов, методов и средств, используемых для его достижения.

Если субъекты взаимодействия (человек и государство в лице его органов) придерживаются в выборе вариантов правового поведения конституционных средств, форм и способов, то это косвенно свидетельствует о признании соответствующей частью участников правовых отношений требований Конституции справедливыми. Однако прямая зависимость в данной ситуации отсутствует, так как субъект конституционно-правовых отношений может выбирать тот или иной способ правового поведения не в силу убежденности в полезности этого действия (социальной, общественной, государственной), а в силу нежелания насту-

³² Комкова Г. Н. Конституционные принципы взаимоотношений власти и личности: реализация в современной России // Lex Russica. 2009. № 2. С. 346.

³³ Васильев С. А. Взаимодействие субъектов конституционно-правовых отношений // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 1. С. 22—23.

пления ответственности. Значимость и ценность конституционно правомерного поведения в контексте взаимодействия государства и человека заключается и в том, что оно служит своеобразным маркером уровня доверия социума к институтам государственно-политической системы, что при эффективности системы мониторинга и функции обратной связи позволяет своевременно корректировать структурные и функциональные характеристики этих институтов в соответствии с потребностями конституционного развития. В указанном смысле конституционно правомерное поведение имеет инструментальное значение и выполняет своеобразную «сигнальную» функцию. Она заключается в том, что выявление отклонения правового поведения от конституционной модели взаимодействия свидетельствует о необходимости ревизии качества закона, установления дифференцированных правовых режимов, направленных на обеспечение конституционности правопользования, разработки и осуществления комплекса мер, позволяющих обеспечить конституционную мотивацию действий субъектов правовых отношений. Своевременная реакция государства на результаты такого мониторинга позволяет противодействовать и своевременно предупреждать возникновение неправовых (неконституционных) способов реализации участниками правовых отношений своих интересов.

Подытоживая рассмотрение обозначенных вопросов, в преддверии 25-летия российской Конституции хотелось бы отметить следующее. Присутствие человека и государства в Конституции многомерно, а сфера частной жизни неотделима от жизни публичной. Конституционное

взаимодействие государства и личности — это многогранный и многоаспектный процесс, для понимания которого нужны новые научные концепции и системно-структурные конституционно-правовые научные парадигмы. Нужно соответствующее духу времени осмысление природы конституционного воздействия на государство, человека и общество, поскольку одной теории правоотношений уже для этих целей недостаточно. Связь времен — вещь реальная. Современное российское правовое пространство представляет значительно больше возможностей для формирования личности, чем предшествующие исторические периоды. Если 25 лет назад при помощи права формировался и ценился «усредненный», исполнительный и не отличающийся активностью тип личности, то ныне формируется образ гражданина инициативного, способного реализовывать свои внутренние задатки, использовать предоставленные государством возможности и нести ответственность за качество своей жизни. Вне всякого сомнения, сегодня создаются условия для самоопределения и самореализации личности как участника политического процесса, для оказания сильного воздействия личности на функционирование разнообразных общественных институтов. В основе этого процесса — идея об индивидуальной свободе, понимаемой как возможность выбора личностью своего правового поведения, в том числе в экономической, социальной, политической сфере. С другой стороны, не должно остаться без внимания и конституционное «государствопонимание», поскольку конституционное регулирование неотделимо от государства, являясь одновременно фундаментом общественной жизни.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авакьян С. А. Тенденции развития конституционно-правового регулирования общественных отношений в современной России // Конституция Российской Федерации: политико-экономические приоритеты : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 16 ноября 2009 г.) / отв. ред. А. Н. Костюков. — Омск, 2010. — 406 с.
2. Алебастрова И. А. Конституционализм как правовое основание социальной солидарности. — М. : Проспект, 2016. — 549 с.
3. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации : учебник для вузов. — 3-е изд., изм. и доп. — М. : Норма, 2003. — 784 с.
4. Баранов П. П. Позитивистское правопонимание в юридической науке, практике и повседневной жизни современной России // Russian Journal Of Legal Studies. — 2015. — № 4. — С. 7—8.
5. Бачило И. Л. Государство социальное или сервисное? (Информационно-правовой аспект) // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2010. — № 1. — С. 3—9.

6. Безуглов А. А., Солдатов С. А. Конституционное право России : учебник для юридических вузов (полный курс) : в 3 т. — М., 2001. — Т. 1. — 832 с.
7. Богданова Н. А. К новой концепции преподавания конституционного права // Государство и право. — 1994. — № 7. — С. 12—14.
8. Васильев С. А. Взаимодействие субъектов конституционно-правовых отношений // Конституционное и муниципальное право. — 2017. — № 1. — С. 20—23.
9. Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России : учеб. пособие. — М. : Издательство МГУ; Инфра-М, Норма, 1997. — 304 с.
10. Затонский В. А. Эффективная государственность. — М., 2006. — 286 с.
11. Златопольский Д. Л. Государство и личность: основы взаимоотношений // Вестник Московского университета. Серия : Право. — 1993. — Вып. 1. — С. 3—12.
12. Карадже-Искров Н. П. Новейшая эволюция административного права // Сборник трудов Иркутского государственного университета. Факультет права и местного хозяйства. — Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1927. — Т. 13.
13. Комкова Г. Н. Конституционные принципы взаимоотношений власти и личности: реализация в современной России // Lex Russica. — 2009. — № 2. — С. 344—351.
14. Коркунов Н. М. Русское государственное право. — СПб., 1909. — Т. 1.
15. Кравец И. А. Два гаранта Конституции в российском конституционализме и концепция сильного государства // Конституционное и муниципальное право. — 2014. — № 1. — С. 4—7.
16. Крусс В. И. Публичные услуги в контексте российской конституционализации // Конституционное и муниципальное право. — 2014. — № 5. — С. 63.
17. Куркин Б. А. Идеологема прав человека и ее интерпретация в современной отечественной правовой теории // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2008. — № 2. — С. 110—117.
18. Кутафин О. Е. Избранные труды : монография : в 7 т. — М. : Проспект, 2015. — Т. 1 : Предмет конституционного права. — 448 с.
19. Лубский А. В. Государственность как матрица российской цивилизации // Гуманитарный ежегодник. — 2005. — № 4. — С. 86—113.
20. Нурмагамбетов Р. Г. О необходимости переосмысления теоретических основ предмета конституционного регулирования в Российской Федерации как основы развития конституционного права и политики // Конституционное право и политика : сб. материалов междунар. науч. конф. 28—30 марта 2012 г. — М., 2012.
21. Поленина С. В. Стратегический потенциал норм глав 1 и 2 Конституции РФ 1993 года // Юридическая техника. — 2015. — № 9. — С. 572—577.
22. Рождественский А. Теория субъективных публичных прав: критико-систематическое исследование. — М. : Печатня А. Снегиревой, 1913. — Часть 1 : Основные вопросы теории субъективных публичных прав.
23. Рябев В. В. К вопросу о взаимодействии государства и гражданского общества в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2005. — Т. 8. — № 2. — С. 5—21.
24. Савоськин А. В. Отзывы о деятельности органов власти: от практики к теории // Lex Russica. — 2016. — № 12. — С. 68—78.
25. Сморгунюв Л. В. Сравнительная политология : учебник для вузов. — СПб. : Питер, 2012. — 448 с.
26. Стариков Ю. Н. Реализация конституционных гарантий и модернизация административно-правового регулирования // Административное право и процесс. — 2013. — № 6. — С. 2—13.
27. Талапина Э. В. Право на информацию в свете теории субъективного публичного права // Сравнительное конституционное обозрение. — 2016. — № 6. — С. 70—83.
28. Фарбер И. Е. Свобода и права человека в Советском государстве. — Саратов, 1974.
29. Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. Теория современной конституции. — М., 2005. — 320 с.
30. Чеботарева А. А. Электронное государственное управление как новая форма взаимоотношений личности, общества и государства // Государственная власть и местное самоуправление. — 2011. — № 6. — С. 18—22.
31. Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. — 2-е изд. — М., 2013. — 656 с.

Материал поступил в редакцию 18 июля 2018 г.

THE CONSTITUTIONAL LAW CONCEPT OF INTERACTION BETWEEN THE STATE AND AN INDIVIDUAL

TITOVA Elena Viktorovna, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law, Constitutional and Administrative Law of the South Ural State University, Candidate of Law

titova_elena@bk.ru

454080, Russia, Chelyabinsk, ul. Kommuny, d. 149, kv. 205

Abstract. *The article is devoted to the analysis of disputable issues of the development of a synthesized constitutional and legal concept of interaction between the State and an individual. It is noted that the purpose in question can be reached using different scientific fields and allows the application of multidisciplinary methodology. The author analyzes the change in reflection of the problem of interaction between the State and an individual within the framework of the subject matter of domestic constitutional law. It is concluded that similar to the subject matter of constitutional law that is not static and cannot be outlined once and forever, in the emerging constitutional-legal concept of relations between the State and an individual a static and a dynamic elements can be determined. The first static element can involve invariable participants of interaction, namely, the State and an individual (person). The second dynamic element concerns the principles, methods and forms of both direct and reverse interaction between the named actors. A key element requires an understanding of typology and nature of the relationship between the State and the individual. The paper outlines the stages of the process of formation of the modern Russian constitutional and legal concept of relations between the individual and the State: formation and modernization. The stage of formation of the concept mentioned above fully corresponds to the transitional (inter-system) state of the Russian State and constitutional law. With this regard, it can be described as intertypic. The article deals with the problems of combining the idea of “a service State” and “a strong State” as well as the correlation of the system-centrism, person-centrism and solidarity in the Russian Constitution. The objectives, constitutional principles, forms of interaction between the State and the individual are also considered. The proposal is made to include into the concept constitutionally legitimate conduct of interacting actors as an independent element. The paper determines the criteria of such conduct and draws conclusions about its importance and value in the context of interaction between the State and the person.*

Keywords: *interaction between the State and the person, subject matter of constitutional law, typology of the State, constitutional and legal concept, service state, strong state, system-centrism, person-centrism, socialism, constitutionally-legal conduct.*

REFERENCES

1. Avakyan S. A. Tendentsii razvitiya konstitutsionno-pravovogo regulirovaniya obshchestvennykh otnosheniy v sovremennoy Rossii [Tendencies of development of constitutional and legal regulation of social relations in modern Russia]. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii : politiko-ekonomicheskie priority : materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [The Constitution of the Russian Federation: political and economic priorities: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Omsk, November 16, 2009)]*. Ed. by A. N. Kastyukov. Omsk, 2010. 406 p. (In Rus.)
2. Alebastrova I. A. Konstitutsionalizm kak pravovoe osnovanie sotsialnoy solidarnosti. [Constitutionalism as the legal basis of social solidarity]. Moscow, Prospect Publ., 2016. 549 p. (In Rus.)
3. Baglay M. V. Konstitutsionnoe pravo Rossiyskoy Federatsii : uchebnik dlya vuzov [Constitutional Law of the Russian Federation: textbook for universities]. 3rd ed., revis. and suppl., Moscow, Norma Publ., 2003. 784 p. (In Rus.)
4. Barov P. N. Pozitivistskoe pravoponimanie v yuridicheskoy nauke, praktike i povsednevnoy zhizni sovremennoy rossii [Positivist legal understanding in legal science, practice and daily life of modern Russia]. *Russian Journal of Legal Studies*, 2015, No. 4, P. 7—8. (In Rus.)
5. Bachilo I. L. Gosudarstvo sotsialnoe ili servisnoe? (informatsionno-pravovoy aspekt) [A social or service State? (An information and legal aspect)]. *Law. Journal of Higher School of Economics*. 2010, No. 1, P. 3—9. (In Rus.)
6. Bezuglov A. A., Soldatov S. A. Konstitutsionnoe pravo Rossii : uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov [Constitutional Law of Russia : A textbook for law schools]. In 3 vol. Moscow, 2001. Vol. 1. 832 p. (In Rus.)

7. Bogdanova N. A. K novoy kontseptsii prepodavaniya konstitutsionnogo prava [The new concept of teaching constitutional law]. *Gosudarstvo i pravo*. 1994, No. 7, P. 12—14. (In Rus.)
8. Vasiliev S. A. Vzaimodeystvie subektov konstitutsionno-pravovykh otnosheniy [Interaction of participants of constitutional-legal relations]. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo [Constitutional and Municipal Law]*. 2017, No. 1, P. 20—24. (In Rus.)
9. Voevodin L. D. Yuridicheskiy status lichnosti v Rossii : uchebnoye posobie [Legal status of an individual in Russia : A study-guide]. Moscow, Moscow State University Publishing House; Infra-M, Norma Publ., 1997. 304 p. (In Rus.)
10. Zatonsky V. A. Effektivnaya gosudarstvennost [Effective Statehood]. Moscow, 2006. 286 p. (In Rus.)
11. Zlatopolsky D. L. Gosudarstvo i lichnost: osnovy vzaimootnosheniy [The State and the person: bases of relationships]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya : Pravo [Bulletin of Moscow University. Series: Law]*. 1993. Iss. 1, P. 3—12. (In Rus.)
12. Karadze-iskrov N. P. Noveyshaya evolyutsiya administrativnogo prava [The newest evolution of administrative law]. Collection of works of Irkutsk State University. Faculty of Law and Local Economy. Irkutsk. Irkut State University Publishing House. 1927, vol. 13. (In Rus.)
13. Komkova G.N. Konstitutsionnye printsipy vzaimootnosheniy vlasti i lichnosti: realizatsiya v sovremennoy Rossii [Constitutional principles of relations between power and personality: Implementation in Modern Russia]. *Lex Russica*. 2009. No. 2, P. 344—351. (In Rus.)
14. Korkunov N. M. Russkoe gosudarstvennoe pravo [Russian State Law]. St. Petersburg, 1909, vol. 1. (In Rus.)
15. Kravets I. A. Dva garanta Konstitutsii v rossiyskom konstitutsionalizme i kontseptsiya silnogo gosudarstva [Two guarantors of the Constitution in the Russian constitutionalism and the concept of a strong State]. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo [Constitutional and Municipal Law]*. 2014, No. 1, P. 4—7. (In Rus.)
16. Kruss V. I. Publichnye uslugi v kontekste rossiyskoy konstitutsionalizatsii [Public services in the context of the Russian constitutionalization]. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo [Constitutional and Municipal Law]*. 2014. No. 5, P. 61. (In Rus.)
17. Kurkin B. A. Ideologema prav cheloveka i ee interpretatsiya v sovremennoy otechestvennoy pravovoy teorii [An ideologeme of human rights and its interpretation in modern domestic legal theory]. *Pravo. Journal of Higher School of Economics*. 2010. No. 2, P. 110—117. (In Rus.)
18. Kutafin O. E. Izbrannye trudy : monografiya : v 7 t. [Selected works: A monograph: in 2 vol]. Moscow. Prospect Publ., 2015. Vol. 1. Predmet konstitutsionnogo prava [The subject matter of constitutional law]. 448 p. (In Rus.)
19. Lubsy A. V. Gosudarstvennost kak matritsa rossiyskoy tsivilizatsii [The State as a matrix of Russian civilization]. *Gumanitarnyy ezhegodnik [Humanities Yearbook]*. 2005. No. 4, P. 86—113. (In Rus.)
20. Nurmagambetov R. G. O neobkhodimosti pereosmysleniya teoreticheskikh osnov predmeta konstitutsionnogo regulirovaniya v rossiyskoy federatsii kak osnovy razvitiya konstitutsionnogo prava i politiki [The necessity of rethinking the theoretical foundations of the subject of constitutional regulation in the Russian Federation as the basis of development of constitutional law and policy]. *Constitutional law and policy: Proceedings of the International Scientific Conference. March 28—30, 2012*. Moscow, 2012. (In Rus.)
21. Polenina S. V. Strategicheskiy potentsial norm glav 1 i 2 konstitutsii Rf 1993 goda [Strategic potential of the norms of Chapters 1 and 2 of the 1993 Constitution of the Russian Federation]. *Yuridicheskaya tekhnika*. 2015. No. 9, P. 572—577. (In Rus.)
22. Rozhdestvenskiy A. Teoriya subektivnykh publichnykh prav: kritiko-sistematicheskoe issledovanie. [The theory of subjective public rights: A critical-systematic research]. Moscow. Printnaya A. Snegireva, 1913. Part 1: Osnovnye voprosy teorii subektivnykh publichnykh prav [The main issues of the theory of subjective public rights]. (In Rus.)
23. Ryabev V. V. K voprosu o vzaimodeystvii gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva v sovremennoy Rossii [Interaction of the State and civil society in modern Russia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology]*. 2005. Vol. 8. No. 2. P. 5—6. (In Rus.)
24. Savodkin A. V. Otzyvy o deyatelnosti organov vlasti: ot praktiki k teorii [Feedback on the activities of the authorities: from practice to theory]. *Lex Russica*. 2016. No. 12, P. 68—78. (In Rus.)
25. Smorgunov L. V. Sravnitel'naya politologiya : uchebnik dlya vuzov [Comparative political science: A textbook for universities]. St. Petersburg. Piter Publ., 2012. 448 p. (In Rus.)
26. Starilov Yu. N. Realizatsiya konstitutsionnykh garantiy i modernizatsiya administrativno-pravovogo regulirovaniya [Realization of constitutional guarantees and modernization of administrative and legal

- regulation]. *Administrativnoe pravo i protsess [Administrative Law and Procedure]*. 2013. No. 6. P. 2—13. (In Rus.)
27. Talapina E. V. Pravo na informatsiyu v svete teorii subektivnogo publichnogo prava [The right to information in the light of the theory of subjective public law]. *sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie [Comparative Constitutional Review]*. 2016, No. 6, P. 73—373. (In Rus.)
  28. Farber I. E. Svoboda i prava cheloveka v Sovetskom gosudarstve [Freedom and Human Rights in the Soviet State]. Saratov, 1974. (In Rus.)
  29. Khabrieva T. Ya, Chirkin V. E. Teoriya sovremennoy konstitutsii [The Doctrine of Modern Constitution]. Moscow, 2005. 320 p. (In Rus.)
  30. Chebotareva A. A. Elektronnoe gosudarstvennoe upravlenie kak novaya forma vzaimootnosheniy lichnosti, obshchestva i gosudarstva [E-government as a new form of relationships between a person, society and state]. *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie [State Power and Local Self-Government]*. 2011. No. 6, P. 18—22. (In Rus.)
  31. Ebzeyov B.S. Chelovek, narod, gosudarstvo v konstitutsionnom stroe Rossiyskoy Federatsii [A man, people, state in the constitutional system of the Russian Federation]. 2nd ed. Moscow, 2013. 656 p. (In Rus.)